

Майн Рид

В дебрях Южной Африки

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Томас Майн Рид
В дебрях Южной Африки, или
Приключения бура и его семьи
Серия «Южноафриканская
трилогия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122568

*В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи: ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2654-7*

Аннотация

«Гендрик ван Блоом был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром. В нашей милой Капской колонии бур – это фермер. Назвать человека фермером – не попрек. Ван Блоом и был фермером – голландским фермером на Капской земле, иначе говоря – буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Миротлюбивые по складу характера, они оказались все же вовлеченными в ряд войн – и с туземцами Африки и с европейцами – и доказали своею доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Майн Рид

В дебрях Южной Африки, или Приключения бура и его семьи

*Трем моим юным дорогим друзьям,
Францу, Лайошу и Вильме,
детям старого друга моего, друга свободы, добра
и правды, —*
ЛАЙОША КОШУТА,
*посвящает эту книгу их искренний
доброжелатель
Майн Рид,
Лондон, 1855*

Глава I

Буры

Гендрик ван Блоом был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром¹. В нашей милой Капской колонии бур — это фермер.

---

¹ На английском языке слово «бур» (boor) означает «мужик», «деревенщина».

Назвать человека фермером – не попрек. Ван Блум и был фермером – голландским фермером на Капской земле, иначе говоря – буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Миролюбивые по складу характера, они оказались все же вовлеченными в ряд войн – и с туземцами Африки и с европейцами – и доказали своею доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе.

Буров, правда, обвиняли в жестокости, особенно по отношению к туземцам. Обвинение, пожалуй, справедливое. Верно, что они низвели желтокожих готтентотов до положения невольников, но в те времена мы, англичане, вывозили из Гвинеи за Атлантику полные корабли чернокожих, а испанцы и португальцы обратили в рабство американских краснокожих.

Надо к тому же знать и нравы туземцев, с которыми сталкивались капские голландцы. Все, что дикарям приходилось сносить от колонистов, казалось милосердием по сравнению с тем, что они терпели от собственных деспотов.

Это, конечно, едва ли служит оправданием голландцам, поработившим готтентотов, но если принять в соображение все обстоятельства, то какой же морской народ вправе будет назвать их жестокими?

Юный читатель, я многое мог бы сказать в оправдание

капских колонистов, но здесь для этого нет у меня места. Могу только заявить, что, по-моему, буры – люди смелые, сильные, здоровые и нравственные, трудолюбивые и мирные. Они поборники правды, друзья республиканской свободы – словом, благородный народ.

Итак, назвав Гендрика ван Блоома буром, разве я проявил этим пренебрежение к нему? Скорее наоборот.

Но минхер Гендрик не всегда был буром. Он мог бы похвалиться более высоким положением, вернее сказать – лучшим образованием, чем то, которое обычно получает рядовой капский фермер, да к этому и некоторой искушенностью в военном деле. Родился он в метрополии, а в колонию пришел не бедным искателем счастья, а офицером голландского полка, стоявшего тогда в тех краях.

Военным он оставался недолго.

Некой розовощекой и златокосой Гертруде, дочке богатого фермера, приглянулся молодой лейтенант, и он тоже ее полюбил. Они поженились. Вскоре после их свадьбы отец Гертруды умер, и большая ферма со всем табуном, с готтентотами, курдючными овцами и длиннорогими быками перешла к Гертруде. Это навело ее мужа-солдата на мысль уйти из полка и стать фее-буром, то есть фермером-скотоводом, что он и сделал.

Случилось это за несколько лет до того, как англичане завладели Капской колонией. К приходу англичан Гендрик ван Блоом стал уже в колонии влиятельным человеком

и фельдкорнетом² по своему округу, лежавшему в живописной местности, в графстве Грааф-Рейнет. В ту пору он был вдовцом с четырьмя детьми на руках. Его горячо любимой жены, розовощекой, златокосой Гертруды, уже не было в живых.

История расскажет вам, как голландские колонисты, недовольные правлением англичан, восстали против них. Бывший лейтенант, начальник ополчения, сделался одним из видных предводителей повстанцев. История расскажет вам далее, что восстание было подавлено, а многие замешанные в нем лица казнены. Ван Блоом спасся бегством, но его прекрасное имение в Грааф-Рейнете конфисковали и отдали другому.

Несколько лет спустя мы застаем его в дальнем округе за великой рекой Оранжевой, где он ведет жизнь трек-бура, то есть фермера-кочевника, который не избирает постоянного пристанища, а переходит со своими стадами с места на место, оседая на время там, где ему приглянутся пастбища и плещется вода.

В ту пору я и завел знакомство с ван Блоомом и его семьей. О событиях его прежней жизни я успел уже рассказать все, что знаю, но его история за последующие годы известна мне в мельчайших подробностях. Я слышал ее из уст его родного сына. Рассказы молодого человека были очень зани-

---

² *Фельдкорнет* – начальник бурского конного ополчения, созывавшегося в случае военной опасности или для набегов на негритянские территории.

мательны и в то же время поучительны. Они явились для меня первыми уроками по зоологии Африки.

И вот, мой юный читатель, решив, что и для тебя они окажутся поучительными и занимательными, я излагаю их в этой книге. Ты не должен видеть в них один лишь вымысел. Все, что ты прочтешь в этой повести о диких животных, об их образе жизни, повадках, инстинктах, ты должен принимать как списанное с природы. Юный ван Блоом был истинным учеником Природы, и на правдивость его описаний можно вполне положиться.

Утратив вкус к политике, бывший начальник ополчения жил теперь на далекой окраине, можно даже сказать – вне границ колонии, потому что от ближайшего европейского поселения его отделяла добрая сотня миль. Его крааль лежал в округе, примыкавшей к великой пустыне Калахари, которую называют Сахарой Южной Африки. Местность на сотни миль вокруг была необитаема: разбросанные тут и там группы бушменов – дикарей, почти лишенных человеческого облика, – едва ли с большим правом можно назвать населением, чем хищных зверей, рыскающих вокруг них.

Я уже сказал, что ван Блоом сделался трек-буром. Фермеры Капской колонии занимаются по преимуществу разведением лошадей и рогатого скота – коров, овец и коз; эти животные и составляют богатство бура. Но у бывшего повстанца осталось теперь совсем небольшое стадо. Попад в «черный список», он лишился бывшего богатства, а кочевое ското-

водство на первых порах не принесло ему удачи. Закон об отмене рабства, принятый английским правительством, распространялся не только на негров Вест-Индских островов, но и на готтентотов Капской земли; поэтому слуги минхера ван Блоома покинули его. Некому было теперь ходить за скотом, и животные стали отбиваться от стада. Иные из них сделались добычей хищников, другие погибли от мора. Табун его поредел от загадочной южноафриканской болезни – «конской хвори», – а отара овец все таяла, расхищаемая гиенами и гиеновыми собаками – симрами. Так терпел он постоянный урон, пока не осталось у него от силы сто голов лошадей, коров, овец и коз. Все же ван Блоом не считал себя обиженным судьбой. Было у него три славных сына – Ганс, Гендрик и Ян. Была розовощекая, златокошая дочка Гертруда, точный образ и подобие ее покойной матери. Он связывал с ними надежду на лучшее будущее.

Два старших мальчика были ему уже помощниками в его трудах, того же вскоре можно было ждать и от младшего. Гертруда – или Трейи, как называл ее отец ласкательно, – обещала сделаться со временем отличной хозяйкой. Так что он не был несчастлив и если иногда с печальным вздохом смотрел на дочку, то лишь потому, что маленькая Трейи вызывала в его памяти образ покойной Гертруды.

Нет, Гендрик ван Блоом был не из тех, кто склонен впадать в уныние. Неудачи его не сломили. Он с удвоенным рвением принялся наново ковать свое счастье. Ради себя само-

го он не стремился бы к обогащению. Он удовлетворялся бы той же простой жизнью, которую до сих пор вел. Но его смущала забота о будущем семьи. Не мог он примириться с мыслью, что дети его так и вырастут среди необитаемых степей и не получают образования. Нет, они должны со временем вернуться к людям, должны участвовать в жизни цивилизованного общества. Так он решил.

Но как этого добиться? Хотя так называемая «измена» была прощена ван Блоому и он получил право вернуться в пределы колонии, у него не было к тому возможности. Продав все свое поредевшее стадо, он не собрал бы достаточно денег, чтобы переехать в город: их едва хватило бы на месяц жизни. Вернуться – значило вернуться нищим! Эти размышления поселяли в нем тревогу. Но они же придавали ему энергию и зажигали желанием преодолеть все препятствия, встававшие на пути.

Последний год ван Блоом трудился с особенным упорством. Стараясь обеспечить на зиму кормом скот, он засеял большое поле кукурузой и гречихой, и теперь и та и другая дали богатые всходы. Его сад и огород тоже цвели и обещали изобилие фруктов, дынь и разных овощей. Словом, тот кусок земли, на котором временно обосновался бывший повстанец, был теперь оазисом в миниатюре. Из дня в день все с большей радостью ван Блоом взирал на созревающие плоды и посевы. Вновь начинал он мечтать о полном достатке – надеялся, что наступил конец его невзгодам.

Увы! То была обманчивая надежда. Ван Блоома ждал еще долгий ряд испытаний и несчастий, лишивших его почти всего, что у него было, по-новому определивших весь уклад его жизни. Впрочем, эти происшествия едва ли следует именовать несчастьями, так как в конце концов они имели хороший исход.

Но об этом, юный читатель, ты составишь собственное мнение, когда познакомишься целиком с историей приключений трек-бура и его семьи.

Глава II

Крааль

Бывший фельдкорнет сидел перед своим краалем, как называют в Южной Африке усадьбу. Из рта у него торчала огромная пенковая трубка на длинном чубуке. Все буры – курильщики.

Наперекор бесчисленным утратам и невзгодам минувших лет в глазах у него светилось довольство. Его радовал прекрасный вид посевов. Кукуруза уже «налилась молоком», и початки, укутанные в папирусообразную обертку, казались крупными и полновесными. С восхищением слушал он шелест зеленых клиновидных листьев и смотрел на золотые кисти, колеблемые ветром. Сердце фермера согревалось, когда он окидывал взглядом посевы, обещавшие обильный урожай.

Но еще теплее становилось у него на сердце, когда глаза его останавливались на детях. Вот они, все здесь, вокруг него! Ганс – самый старший, степенный, рассудительный – трудится в саду, так хорошо разбитом, в то время как младший, шалунишка Ян – малорослый, но бойкий – поглядывает на брата, и нет-нет, да чем-нибудь поможет ему. Гендрик – запальчивый Гендрик, с жарким румянцем на щеках и светлыми курчавыми волосами – чистит лошадей в «кон-

ском краале»; а Трейи, прелестная Трейи, розовощекая, златокосая, возится со своей любимицей – полугодовой гозелью из породы горных скакунов, чьи яркие глаза милым и чистым своим выражением могут сравниться только с ее собственными глазами.

Да, недаром бывший фельдкорнет радуется всей душой, когда переводит взор с одного своего ребенка на другого. Все они хороши собой, все обладают хорошими задатками. Лишь иногда, когда ему случается остановить глаза на розовощекой, златокосой Гертруде, у него, как мы говорили, сжимается сердце.

Время, однако, давно превратило его скорбь в мягкую грусть. Вот и сейчас приступ тоски быстро миновал, и лицо фельдкорнета вновь просветлело при взгляде на сыновей, подающих такие добрые надежды.

Ганс и Гендрик уже достаточно сильны, чтобы помогать отцу в его занятиях; да и то сказать, только на их помощь он и мог рассчитывать – на них да еще на Черныша.

Кто же такой Черныш?

Загляните в «конский крааль», и вы там увидите Черныша: он помогает своему молодому хозяину Гендрику оседлать двух лошадей. Приглядевшись, вы решите, что Чернышу лет тридцать; столько ему и есть, но, если бы вы попробовали измерить его рост, получилось бы четыре фута с небольшим. Он, впрочем, крепко сложен, и объем груди у него почти такой, как у людей нормального роста. Вы уви-

дели бы также, что лицо у него желтое, хотя по его имени могли бы подумать, что он негр. Вы заметили бы, что нос у него приплюснутый и тонет в круглых щеках, губы очень толстые, ноздри широкие, лицо безбородое, а голова почти безволосая, потому что редкие маленькие клочки кудлатой шерсти, разбросанные по всему черепу, едва ли можно назвать волосами. И вы, конечно, обратили бы внимание на то, как несоразмерно велика у него голова и в соответствии с нею и уши, а в выражении его глаз вам почудится что-то китайское. Словом, вы могли бы отметить в Черныше все характерные особенности южноафриканского готтентота. Однако Черныш не готтентот, хоть и принадлежит к той же расе. Он бушмен.

Как же дикарь-бушмен попал на службу к бывшему фельдкорнету ван Блоому? Об этом я могу рассказать небольшую романтическую историю. Вот она.

Среди диких племен Южной Африки бытует очень жестокий обычай: бросать своих стариков и калек, а часто также больных или раненых на одинокую смерть в пустыне. Дети в пути покидают родителей, и товарищи нередко уходят от раненого, оставив им только на день пищи да кружку воды. Жертвой такого обычая сделался и бушмен Черныш. Вместе с несколькими своими сородичами он отправился на дальнюю охоту и был сильно покалечен львом. Товарищи, решив, что он не выживет, оставили его умирать в голой степи; и он бы, наверно, погиб, если б не наш ван Бло-

ом. Тот, кочуя в степях, набрел на раненого бушмена, забрал его, отвез на свое становище, перевязал ему раны и выходил. Так Черныш оказался на службе у фельдкорнета.

Благодарность, говорят, не очень свойственна его племени, но Черныш проявил себя иначе. Когда все другие слуги разбежались, он не изменил своему хозяину и с той поры сделался для него самым деятельным и полезным помощником. Ведь только он один и остался при ван Блооме, он да девушка-служанка Тотти; она была, как вы догадываетесь, готтентоткой и почти такого же роста и сложения, такого же цвета кожи, как и сам Черныш.

Как мы сказали, Черныш и юный Гендрик взнуздывали двух лошадей. Управившись с этой задачей, они вскочили в седла, выехали из крааля и направились прямо в степь. Их сопровождала пара сильных, свирепого вида собак.

Им надо было, как и всегда в этот вечерний час, пригнать домой коров и лошадей, пасшихся на дальних лугах, потому что в Южной Африке приходится запира́ть на ночь стада, чтобы защитить их от хищников. Для этого строятся загоны с высокими заборами – краали. Слово «крааль» однозначно с испанским «corral», и, мне думается, оно ввезено в Африку португальцами; во всяком случае, это слово не туземное.

Краали для скота – важная часть усадьбы бура, почти столь же важная, как его собственный дом, который тоже называют краалем.

Итак, Гендрик с Чернышем уехали за лошадьми и стадом,

а Ганс, оставив работу в саду, отправился загонять овец. Овцы паслись в другой стороне, неподалеку от дома, и Ганс пошел пешком, прихватив с собою маленького Яна.

Треيي, привязав своего любимца к столбику, пошла в дом, помочь Тотти приготовить ужин. Ван Блоом остался наедине со своей трубкой, которую он все не выпускал изо рта. Он сидел в полном молчании, хоть и еле сдерживался, чтобы не выразить громким возгласом радость, которую чувствовал, видя, как прилежно трудятся его домочадцы. Всеми своими детьми был он доволен, но, надо сознаться, он питал некоторое пристрастие к запальчивому Гендрику, носившему одно с ним имя и больше остальных походившему на него самого в молодые годы. Отец гордился красивой посадкой Гендрика в седле, и он провожал его взглядом, пока всадники не удалились почти на милю и там уже потерялись среди стада.

В эту минуту перед глазами ван Блоома появился предмет, сразу приковавший к себе его внимание. В той стороне, где скрылись Гендрик и Черныш, но, по-видимому, дальше, за пастбищем, стлалось какое-то необычное облако. Оно походило на бурый туман или дым, как будто где-то далеко-далеко горела степь.

Неужели пожар? Неужели кто-то поджег кустарник в степи? Или идет туча пыли?

Ветер был не настолько силен, чтобы поднять такое облако пыли, но с виду это была все-таки пыль. Или ее подня-

ли животные? Может быть, появилось в степи большое стадо антилоп, которые двинулись в поиски новых пастбищ? На много миль облако заволокло горизонт, но ван Блум знал, что стадо антилоп нередко захватывает пространство в десятки миль. И все же ему не верилось, что это антилопы.

Он смотрел и смотрел на странное явление, стараясь по-всякому его себе объяснить. Вот облако как будто поднялось в небе выше, походя то на пыль, то на дым огромного пожара, то на рыжую тучу. Идет оно с запада и уже закрыло собой вечернее солнце. Оно прошло заслоном по солнечному диску, и лучи его уже не падают на равнину. Не предвестник ли это страшного бурана или землетрясения?

Такая мысль пронеслась в уме ван Блума. Завеса не похожа на обыкновенную тучу... не похожа на облако пыли... не похожа на дым. Не похожа ни на что, что доводилось ему видеть раньше. Неудивительно, что им овладели беспокойство и дурные предчувствия.

Вдруг темно-рыжая масса обволокла и стадо на равнине, и ван Блум увидел, как скот заметался с перепугу. Потом показались два всадника и тотчас исчезли в бурой мгле. Ван Блум вскочил, теперь уже не на шутку встревоженный. Что это могло значить?

На возглас, которого он не сдержал, прибежали из дому Тотти и маленькая Трейи; а тут, загнав овец и коз, вернулись и Ганс с Яном. Все смотрели на необычайное явление, но никто не мог сказать, что это такое. Все были в сильной

тревоге.

Пока они стояли так и, скованные ужасом, глядели на тучу, из нее вырвались два всадника и пустились галопом по степи прямо к дому. Они неслись во весь опор, но еще не успели они доскакать, как, обгоняя коней, донесся голос Черныша.

– Баас ван Блоом! – кричал он. – Спринган идет! Спринган! Спринган!

Глава III

Саранча

– A! Spring-haan! – воскликнул ван Блоом, разобрав голландское наименование знаменитой перелетной саранчи. – Прыгунки!

Загадка была разрешена. Странная туча, шедшая по степи, оказалась летящей саранчой.

Кроме Черныша, никому из них не доводилось раньше наблюдать это зрелище. Правда, сам ван Блоом довольно часто видел саранчу и даже разных пород – в Южной Африке встречается несколько видов этого своеобразного насекомого, – однако никогда он не видел ее в таком количестве. А сейчас перед ним была настоящая перелетная саранча, которую случается встретить совсем не так часто, как можно бы заключить по рассказам путешественников. Чернышу саранча была хорошо известна. Когда он так громогласно возвестил о ее прилете, он вовсе не был испуган. Наоборот, его большие, толстые губы расплылись поперек лица в смешной гримасе радости. Инстинкты дикаря забурили в маленьком бушмене. У его народа налет саранчи вызывает не ужас, а ликование – ее появление для туземца желанно, как богатый улов креветок для рыбака из Ли³ или как доб-

---

³ *Ли* (англ. Leigh) – приморский город в северо-западной Англии.

рый урожай для землепашца.

Радовались и собаки: они лаяли, повизгивали и резвились, словно предвкушая охоту. Когда выяснилось, что это только саранча, у всех сразу отлегло от сердца. Младшие – Трейи с Яном – смеялись, хлопали в ладоши и с нетерпением ждали, чтоб она подлетела поближе. Все были достаточно наслышаны о саранче и знали, что это всего-навсего «прыгунки» – нечто вроде кузнечиков: они не кусаются, не жалят, бояться их нечего.

Даже сам ван Блоом сперва несколько не был озабочен. После тяжелых предчувствий было большим облегчением услышать, что это лишь перелет саранчи, и фермер стал с любопытством его наблюдать, не подумав, что он ему сулит. Но вдруг его мысли приняли иное течение. Он обвел взором свое кукурузное и гречишное поле, свои дыни, свой сад и огород; новая тревога овладела им; в памяти одна за другой всплывали слышанные им истории об этих опустошителях, и, когда встала перед ним вся неприкрытая правда, он весь побелел, и горький стон сорвался с его губ.

Дети изменились в лице. Они видели, что отца что-то мучает, хоть и не понимали, что. И они жались к нему, не смея ни о чем спросить.

– Погибло! Все погибло! – твердил он. – Весь наш урожай – труды целого года, – все пошло прахом! Ах, мои бедные дети!

– Почему погибло?... Почему пошло прахом? – спросили

в один голос Гендрик и Ян.

– Перелетная саранча! Она сожрет наш урожай – весь как есть!

– Да, правда, – подтвердил Ганс: в книгах по естественной истории, которыми он так увлекался, ему нередко случалось читать о том, какие опустошения производит саранча.

Радостные лица снова омрачила печаль, и дети уже с иным чувством глядели на далекую тучу, так неожиданно затмившую их радость. У ван Блоома были все основания для страха. Если полчище надвинется и осядет на его поля, тогда прощай надежда на жатву. В мгновение ока саранча сгложет всю зелень на его земле. Она не оставит на своем пути ни стебелька, ни листика, ни соломинки.

Все стояли, с мучительным беспокойством следя за движением тучи. Ее отделяло от них еще добрых полмили. Казалось, она вовсе и не приближается. Хорошо бы!

Луч надежды зажегся в душе ван Блоома. Фермер снял свою широкополую поярковую шляпу и подержал ее в протянутой руке. Дул северный ветер, а туча была сейчас на запад от крааля. Саранча надвигалась с севера, как это почти всегда бывает в Южной Африке.

– Да, – сказал Гендрик, который побывал в самой гуще саранчи и знал, в какую сторону движется полчище, – она идет с севера. Когда мы повернули коней и помчались галопом домой, мы быстро ушли от нее, и она, как видно, летела не за нами вслед; я уверен, что она летит к югу.

Ван Блум утешался надеждой, что, поскольку на север от крааля горизонт чист, саранча, возможно, пройдет стороной, минуя его ферму. Он знал, что обычно она идет по ветру. Пока ветер не переменится, она не сворачивает со своего пути. Жадно всматривался он в даль. Кромка тучи, видел он, не приближается. Надежды крепи. Его лицо просветлело. Дети, заметив это, радовались, но ничего не говорили. Все стояли молча, смотрели, что будет.

Странное это было зрелище. Стоило понаблюдать не только за тучей насекомых. В воздухе над ней сновало множество птиц – странных птиц разных пород. На бесшумных, медленных крыльях реял бурый орику, самый крупный из африканских грифов; а рядом с ним – желтый стервятник, ястреб Кольбе. Парил на широко развернутых крыльях борода-тый коршун. Клекотал большой кафрский орел, и бок о бок с ним кривлялся смешной короткохвостый фигляр. Там были соколы всяких размеров и окрасок, коршуны, рассекавшие воздух, вороны и воробьи и множество видов насекомоядных. Но всех больше было здесь маленьких рябеньких птичек, напоминавших ласточку. Мириады их темнили воздух, сотни их непрестанно ныряли в тучу насекомых и вновь взмывали ввысь, каждая с добычей в клюве. У англичан эта птичка зовется саранчовым грифом, но она не принадлежит к роду грифов. Питается она исключительно насекомыми, и наблюдатели никогда не встречали ее в местах, где не водится саранча. Она следует за саранчой во всех ее перелетах,

свивая гнезда и выводя птенцов вблизи от своей добычи.

Да, зрелище было любопытное – это сонмище крылатых насекомых и их бесчисленных врагов. Люди стояли и глядели дивясь. Нет, живая туча нисколько не приближалась, и надежда ван Блоома крепла.

Туча в самом деле двигалась к югу и теперь заволакивала на западе весь горизонт. Было видно, как она постепенно опадала, как ее верхняя кромка мало-помалу опускалась, очищая небо. Значит, саранча уходила на запад? Нет.

– Они устраиваются на ночлег, мы их теперь наберем полные мешки! – сказал с довольным видом Черныш.

Для него саранча составляла лакомство, и он готов был пожирать ее с таким же рвением, как орел и коршун или даже сам саранчовый гриф.

Как сказал Черныш, так и случилось. Туча действительно осела на равнину.

– Солнца нет – они не летают, – продолжал бушмен. – Слишком холодно. Они до утра как мертвые.

Так оно и вышло. Солнце закатилось, холодный ветер ослабил крылья маленьких кочевников и принудил их заночевать на деревьях, кустах и траве. Несколько минут – и темного тумана, только что застилавшего весь горизонт, не стало видно; но равнина вдали приобрела такой вид, точно по ней прошел пожар. Ее густо покрыли тельца насекомых, и, сколько глаз хватал, вся она почернела. Птицы-попутчики, почуяв приближение ночи, подняли крик, потом разлетелись во все

стороны. Одни опустились на скалы, другие укрылись в низких зарослях мимозы, и вот через короткое время на земле и в воздухе все смолкло.

Ван Блоом беспокоился о своем скоте. Силуэты животных вырисовывались далеко в степи, покрытой саранчой.

– Дай им немного подкормиться, баас, – посоветовал Черныш.

– Чем подкормиться? – спросил хозяин. – Не видишь разве – вся трава завалена этой нечистью!

– Самими прыгунками, баас, – ответил бушмен. – Хороший корм для большого быка, лучше, чем трава, лучше даже, чем кукуруза.

Но поздний час не позволял оставлять дольше скот в степи: скоро выйдут на прогулку львы – возможно, из-за саранчи раньше обычного, потому что и царь животных не брезгает наполнить свой желудок этими насекомыми, когда удастся набрести на них. Ван Блоом счел необходимым поскорее загнать свой скот в крааль. Оседлали третьего коня, и начальник ополчения сам сел в седло и выехал в степь, взяв с собой Гендрика и Черныша.

Необычайная картина представилась их глазам, когда они приблизились к саранче: красные тельца покрывали землю толстым слоем, иногда в несколько дюймов толщины. Всю листву, все ветви кустов гроздьями облепила саранча. Не осталось ни листика, ни травинки, не покрытых насекомыми. Саранча была неподвижна, словно в оцепенении

или во сне. Вечерний холод лишил ее способности летать.

Но самым странным в глазах ван Блоома и Гендрика было поведение их собственных лошадей и коров. Они паслись неподалеку, в самой гуще уснувшего неприятеля, но нимало не были этим встревожены. Они жадно набирали в рот насекомых и мололи их в зубах, точно зерно. Сколько их ни гнали, они нипочем не хотели уходить с пастбища; и только рычание льва, разнесшееся в тот час по степи, да кнут, пущенный в ход Чернышем, сделали их более послушными, и они наконец дали загнать себя в краали и расположились на ночлег.

Глава IV

Беседа о саранче

Тревожно протекала ночь в краале ван Блоома. Если ветер повернет на запад, утром саранча непременно покроет сад и поля, и тогда весь его урожай погиб. Или хуже того: саранча, возможно, истребит зелень во всей окрестности, миль на пятьдесят, а то и более. Чем он тогда прокормит свой скот? Не просто будет уберечь его. Коровы могут передохнуть раньше, чем удастся перегнать их на какое-нибудь пастбище.

Такой исход представлялся вполне вероятным. В истории Капской колонии было немало случаев, когда бур после налета саранчи терял свое стадо. Неудивительно, что ночь в краале трек-бура протекала тревожно. Время от времени ван Блоом выходил во двор проверить, не переменился ли ветер. До позднего часа перемены не замечалось. Дул по-прежнему легкий ветерок с севера – из великой пустыни Калахари, откуда, по всей видимости, и прилетела саранча. Ярко светила луна, и свет ее мерцал над темным полчищем насекомых, покрывшим степь. Доносилось рычание льва попеременно с пронзительным лаем шакалов и сумасшедшим хохотом гиены. Эти и многие другие звери радовались богатому пиршеству.

Видя, что ветер не меняется, ван Блум немного успокоился, и они стали разговаривать о саранче. Больше всех рассказывал Черныш, так как он лучше других был знаком с предметом, видел в жизни не первый налет саранчи и съел ее не один бушель⁴. Но откуда она появилась, Черныш не знал. Он никогда не задавался этим вопросом. Ответ на него предложил начитанный Ганс.

– Саранча, – сказал он, – приходит из пустыни. Она откладывает свои яички в песок или в пыль; там они и лежат, откуда не выпадут дожди и не начнет усиленно расти трава. Тогда из яичек вылупляются личинки саранчи, которые на первых порах питаются этой травой. Истребив ее, они по необходимости пускаются на поиски нового корма. Отсюда миграции, как называют такие походы.

Объяснение показалось понятным.

– А я вот слышал, – заговорил Гендрик, – будто фермеры, чтобы не подпустить саранчу, раскладывают вокруг посевов костры. Но разве костры удержат саранчу, даже если сделать настоящий огненный забор вокруг поля? Ведь она крылатая и может легко пролететь над огнем.

– Костры разводят, – ответил Ганс, – в расчете, что дым не даст саранче опуститься на поле; но чаще их разводят против бескрылой, так называемой пешей саранчи. Это, собственно, не сама саранча, а ее личинки, у которых не отросли еще крылья. Пешая саранча тоже пускается в поиски кор-

---

⁴ *Бушель* – мера сыпучих тел; содержит около 36,3 литра.

ма и нередко производит больше опустошений, чем взрослые насекомые, которых мы видим сейчас. Она передвигается по земле ползком и, прыгая наподобие кузнечиков, идет все время в одном направлении, следуя инстинкту, побуждающему ее держаться определенного курса. Ничто не может остановить неукротимое движение вперед, пока саранча не придет к берегу моря или какой-нибудь широкой и быстрой реке. Маленькие реки она переплывает, да и большие тоже, если течение в них медленное. Нигде не сворачивая, всползает она на заборы, на дома, даже на дымовые трубы и, перейдя преграду, продолжает свой путь в том же направлении. При попытках перейти широкие и быстрые реки она тонет в несчетных количествах, и река сносит ее в море. Небольшие скопления саранчи фермерам иногда удается задержать посредством огня, как ты и слышал, Гендрик. Но когда саранча появляется в большом числе, тогда и от огня не будет проку.

– Но как же это так, брат? – допытывался Гендрик. – Ту саранчу, о которой ты рассказываешь, можно, сам говоришь, остановить при помощи костров – это и понятно, она бескрылая. Только как, в таком случае, она проходит через огонь? Перепрыгивает?

– Нет, по-другому, – отвечает Ганс. – Костры разводят слишком большие и широкие, их не перепрыгнешь.

– Как же они проходят, брат? – спросил Гендрик. – Мне невдомек.

– И я не понимаю, – сказал маленький Ян.

– И я, – добавила Трейи.

– Сейчас объясню, – продолжал Ганс. – Миллионы насекомых ползут прямо в огонь и гасят его.

– Ого! – вскричали все разом. – И они не сгорают?

– Сгорают, конечно, – ответил Ганс. – Они обугливаются и гибнут целыми мириадами. Но их бессчетные тельца забирают костры. Передние ряды великого полчища приносятся в жертву, и остальные проходят невредимо по трупам погибших. Итак, вы видите, даже огонь не может остановить саранчу, когда она многочисленна. Во многих местностях Африки, там, где туземцы занимаются земледелием, едва разнесется весть, что начался перелет саранчи и что она идет на их поля и сады, среди жителей поднимается настоящая паника. Они знают, что неизбежно лишатся урожая, и потому налет саранчи внушает им не меньший ужас, чем землетрясение или другое стихийное бедствие.

– Нам ли не понять их чувства! – заметил Гендрик и многозначительно переглянулся с другими.

– Крылатая саранча, – продолжал Ганс, – по-видимому, не так неуклонно следует взятому направлению, как ее личинки. Она держится по ветру. Зачастую ветер сносит ее всю в море, где она погибает массами. Случалось, находили мертвые тельца саранчи, прибитые обратно к берегу в невероятных количествах. В одном месте море выбрасывало их на отмель, пока не выросла гряда в четыре фута высоты

и пятьдесят длины. Некоторые известные путешественники утверждали, что трупный запах, пропитавший воздух, чувствовался в полутораста милях от берега!

— Ну да! — сказал маленький Ян. — Не поверю я, что у кого-нибудь такой хороший нюх.

При этом замечании все дружно рассмеялись. Только ван Блум не разделял веселья. Его лицо стало к этому часу совсем хмурым.

Чернышу тоже было что порассказать о саранче.

— Бушмен не боится прыгунка, — говорил он: — у бушмена нет сада, нет кукурузы, нет гречихи — нет ничего, что ест прыгунок. Бушмен сам ест саранчу. Все едят прыгунка. Все жиреют в налет саранчи. Го-го! Славный прыгунок!

Замечание Черныша было, в сущности, верным. Саранчу едят почти все виды животных, какие водятся в Южной Африке. Ее с жадностью пожирают не только плотоядные, но и другие звери и птицы. Антилопы, куропатки, цесарки и дрофы и, как ни странно покажется, даже самый крупный из зверей — слон-исполин совершают путешествия за много миль, чтобы только поживиться на перелетах саранчи. Домашняя птица, овцы, лошади и собаки жрут ее столь же охотно. И еще одна странная вещь — саранча сама ест саранчу! Если среди прыгунок появляется раненый, то другие немедленно накидываются на него и съедают. Бушмены и прочие африканские народы едят саранчу не в сыром виде, а сперва варят ее или жарят.

Иногда, хорошенько высушив, ее толкут в муку и потом, замешивая на воде, изготавливают из нее особого рода варено. Хорошо провяленная саранча сохраняется очень долго, и для беднейших дикарей она порой составляет весь запас пищи на целых полгода.

Многие племена, в особенности те, что не знают земледелия, встречают нашествия саранчи, как праздник. Снарядившись в путь с мешками, а нередко и с упряжкой волов, люди отправляются всей деревней собирать саранчу, и в таких случаях ее ссыпают горами и запасают впрок – совсем как зерно.

В разговорах обо всем этом проходил вечер, пока не настало время ложиться спать. Ван Блум еще раз вышел узнать направление ветра, потом заперли в краале дверь, и все улеглись.

Глава V

Налет саранчи

Ван Блоому не спалось. Беспокойство гнало от него сон. Он ворочался, метался и думал о саранче. А если и засыпал на минутку, то видел во сне саранчу, сверчков, кузнечиков и всякого рода больших долгоногих, пучеглазых насекомых. Он обрадовался, когда первый луч света проник в маленькое оконце его комнаты. Он вскочил с кровати и, едва дав себе время одеться, выбежал на воздух. Было еще темно, но это не помешало понять, откуда дует ветер. Не понадобилось даже подбросить перо или поднять шляпу, истина и так была слишком ясна. Дул сильный ветер – и дул с запада! Не помня себя, ван Блоом побежал дальше, чтоб удостовериться, что не ошибся. Выбежал за ограду, окружавшую крааль и сад. Здесь он остановился еще раз и проверил, откуда дует ветер. Увы, первое впечатление не обмануло его. Дуло прямо с запада – прямо от саранчи. Он улавливал запах ненавистных насекомых; не оставалось места для сомнений. Подавив стон, фермер вернулся в дом. Больше он не надеялся избежать страшного нашествия. Первой его заботой было собрать все, что было в доме полотняного – белье, одежду, куски холста – и заложить в семейные сундуки. Почему? Неужели он опасался, что саранча поест материю?

Да, опасался – эта прожорливая тварь не гнушается ничем. У нее нет в еде каких-либо пристрастий. Горький лист табака ей, видимо, так же по вкусу, как сладкий и сочный стебель кукурузы. Полотно, хлопчатобумажную ткань и даже фланель она пожирает, как будто это нежные побеги, зелени. Камень, железо да самое твердое дерево – вот, пожалуй, все, что оставляют нетронутым ее жадные челюсти. Ван Блум об этом слышал, Ганс читал, а Черныш знал по собственному опыту. Поэтому то, что могло пострадать от саранчи, было предусмотрительно убрано; потом приготовили завтрак и в молчании съели его. На всех лицах лежала печаль, потому что глава семьи сидел безмолвный и подавленный.

Несколько коротких часов – и такая перемена! Еще накануне вечером ван Блум и его маленькая семья наслаждались полнотой счастья...

Оставалась последняя, но очень слабая надежда. Что, если, на счастье, пойдет дождь? Или день окажется холодным? И в том и в другом случае, сказал Черныш, саранча не сможет расправить крылья – в холод и дождь она не летает. Если день выдастся холодный или сырой, она не поднимется, а потом ветер, возможно, опять переменится. О, хлынул бы ливень! Или день оказался бы холодный и облачный! Тщетное желание, тщетная надежда! Лишь полчаса прошло после того, как встало яркое африканское солнце, а его горячие лучи уже обогрели спящее воинство и вернули его к жизни. Насекомые начали ползать, подскакивать, и вот, точно по еди-

ному импульсу, мириады их поднялись на воздух. Ветер направил их полет в ту сторону, куда он дул, – в сторону обреченного кукурузного посева.

Через пять минут – и даже меньше – после того, как саранча взлетела, она была над краалем и начала десятками тысяч оседать на окрестные поля. Полет ее был медлителен, спуск мягок, и тем, кто снизу наблюдал за ней, представлялось, будто падает большими перистыми хлопьями черный снег. За несколько мгновений она покрыла собою всю землю. Каждый початок кукурузы, каждое растение, каждый куст нес на себе сотни насекомых. До края равнины, насколько глаз хватал, все пастбища были густо усеяны саранчой; она направила свой полет уже на восток от дома, и солнечный диск снова померк, застланный тучей.

Саранча подвигалась как бы эшелонами: тыловые отряды все время перелетали на передовую линию и затем, сделав привал, кормились до тех пор, пока их, в свою очередь, не обгоняли задние, двигавшиеся тем же порядком.

Не менее любопытен был шорох, производимый их крыльями: он напоминал непрерывный шелест ветра в лиственном лесу или шум воды под мельничным колесом.

Перелет саранчи над фермой длился два часа. Почти все это время ван Блум и его семья просидели в доме, затворив двери и окна: неприятно было оставаться во дворе под ливнем насекомых, которых ветер нередко швырял в лицо с такой силой, что делалось больно. Но, помимо того, не хоте-

лось давить ногами непрошенных гостей, а без этого нельзя было и шагу ступить из дому, потому что земля была покрыта сплошным слоем саранчи. Все же немало ее заползло внутрь дома сквозь щели в двери и окне, и она с жадностью набрасывалась на все предметы растительного происхождения, какие случайно остались неубранными.

Через два часа ван Блоом выглянул наружу. Саранча почти вся уже пролетела. Снова светило солнце, но что оно освещало! Не зеленые поля и цветущий сад, нет. Вокруг дома со всех сторон – с севера, с юга, с востока и запада – глазам представлялась только черная пустыня. Не видно было ни былинки, ни листика – даже кора на деревьях была обглодана, и теперь они стояли, словно убитые карающей дланью. Если бы прошел по земле степной пожар, он не мог бы оставить большей наготы и разора. Не было сада, не было гречишных и кукурузных полей, не было больше фермы – крааль стоял среди пустыни! Не передать словами, что почувствовал в ту минуту ван Блоом. Не описать пером его мучительных переживаний. За два часа такая перемена! Он едва верил глазам, едва верил в реальность случившегося. Он знал, что саранча пожрет его кукурузу и гречиху, овощи и плоды, но воображение его не в силах было нарисовать такую картину полного опустошения, какую явила действительность. Весь ландшафт преобразился – травы не было и в помине, деревья, нежная листва которых всего лишь два часа назад играла на легком ветру, теперь стояли мертвые, ого-

ленные хуже, чем зимой. Самая земля точно изменила свои черты. Ван Блоом не узнавал своей фермы. Если бы владелец был в отлучке, когда здесь пролетала саранча, и вернулся, не предупрежденный о случившемся, он, конечно, не признал бы мест, где жил.

С флегматичностью, свойственной его народу, ван Блоом опустил на скамью и долгое время сидел так, безмолвный и недвижимый. Дети подходили, глядели на него, и юные их сердца сжимались от боли. Они не могли до конца понять, в какое трудное положение поставило их это событие; отец и тот не сразу понял. Он думал сперва лишь об ущербе, нанесенном гибелью прекрасного урожая; эта потеря и сама по себе, если вспомнить, как уединенно жил ван Блоом и как мало было у него надежды восстановить утраченное, явилась для него большим бедствием.

– Пропало! Все пропало! – воскликнул он горестно. – Ох, судьба, судьба! Снова ты жестока ко мне!

– Папа, не горюй! – сказал мягкий голосок. – Мы все живы, все подле тебя. – И при этих словах маленькая белая ручка легла ему на плечо.

То была ручка его милой Трейи.

Точно улыбнулся ему ангел. Ван Блоом взял девочку на руки и в приливе нежности прижал ее к сердцу. И на душе у него потеплело.

Глава VI

Запрягать – и в путь!

Ван Блум знал, что не может предоставить свое спасение «деснице божьей». Не так он был воспитан. Он тотчас же взялся за дело, чтобы выйти из неприятного положения, в какое поставил его налет саранчи.

Нет, положение было хуже, чем неприятное, как начал теперь понимать ван Блум, – положение было гибельное! Чем больше думал он, тем тверже убеждался в этом.

Вот они одни среди черной, голой равнины, на которой, куда ни глянь, нет зеленого пятна. Как далеко тянется она в такой наготе, он не мог определить, но он знал, что перелеты саранчи опустошают иногда пространства на тысячи миль. Не приходилось сомневаться, что этот перелет, разоривший его ферму, был из самых мощных.

Стало ясно, что оставаться в краале нельзя. Лошади, коровы, овцы не могут жить без корма, а если погибнет скот, чем существовать самому фермеру с семьей? Он должен бросить крааль. Должен отправиться в поиски пастбища, не теряя времени, немедленно! Животные, обеспокоенные тем, что их не выпустили в привычный час, уже на все лады поднимали свои голоса. Вскоре они почувствуют голод, и трудно сказать, когда удастся их накормить.

Нельзя было мешкать. Каждый час был дорог – не следовало терять лишней минуты даже на раздумье.

Ван Блоом уделил размышлениям всего лишь несколько минут. Оседлать самого быстрого из своих коней и пуститься одному на поиски пастбища? Или лучше сразу заложить фургон и отправиться в дорогу со всем добром?

Он избрал второе. Все равно приходится оставить обжитое место, бросить свой крааль. Если уехать сперва одному, он, возможно, не так скоро найдет место, где есть и трава и вода, а скот его тем временем будет страдать от голода.

Это соображение, да и ряд других склонили ван Блоома к тому, чтобы сразу же заложить фургон и пуститься в дорогу – с табуном, со стадом, с отарой, со своим добром и всей своей семьей.

– Запрягать – и в путь! – прозвучала команда.

И Черныш, гордившийся славой хорошего кучера, замал своим бамбуковым кнутом, похожим на длинное удилище.

– Запрягать – и в путь! – подхватил Черныш, привязывая к своей двадцатифутовой трости новый ремень, который он недавно сплел из шкуры антилопы каамы. – Запрягать – и в путь! – повторял он, щелкая кнутом так громко, точно стрелял из пистолета. – Да, баас, я сейчас запрягу!

И, уверившись, что бич хорошо прилажен, бушмен прислонил кнутовище к стене дома и пошел в коровий крааль отбирать волов для упряжки.

Сбоку подле дома стоял большой фургон – неременная принадлежность и гордость каждой капской фермы. Это был первоклассный экипаж под парусиновым верхом, послуживший фельдкорнету еще в его лучшие дни, экипаж, в котором он, бывало, возил жену и детей на увеселительные прогулки. В те дни в фургон впрягали цугом восьмерку отличных лошадей. Увы! Теперь их место предстояло занять волам, ибо весь табун ван Блоома составляли только пять копей, а они нужны были под седло. Но фургон был почти так же хорош, как и в давние годы, когда на него поглядывали с завистью все соседи из Грааф-Рейнета. Никаких поломок, все на своем месте. Все так же хорош белоснежный парусиновый верх с клапанами – передним и задним – и внутренними «карманами», все в исправности: и изящно выгнутые колеса, и удобные козлы, и диссельбом⁵

---

⁵ *Диссельбом* (гол.) – дышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.